

Елизавета Олеговна Борисова

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: joborisowa@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

К ИЗУЧЕНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОЗВИЩ С СИТУАТИВНОЙ МОТИВИРОВКОЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Аннотация

В статье рассматриваются варианты специфической номинативной модели, характерной для традиционных индивидуальных прозвищ. Речь идет о закреплении во внутренней форме прозвища указания на тот или иной эпизод из жизни его обладателя. Предлагается обозначить рассматриваемую модель как модель прозвищ с ситуативной мотивировкой. В качестве источника материала используются полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Челябинской и Свердловской областей, а также Пермского края. Большая часть онимов впервые вводится в научный оборот. В первой части статьи на основании зафиксированных рассказов информантов выделяются способы закрепления конкретной ситуации во внутренней форме прозвищного антропонима. Устанавливается, что наиболее частотным является использование в качестве прозвища наименования значимой детали ситуации, а также высказываний кого-то из ее участников (смешные или нетипичные для конкретного человека фразы, оговорки и ошибки в речи, автономинации и т. д.). Во второй части статьи предпринимается попытка сформулировать критерии достоверности ситуативных объяснений, представленных информантами. Подчеркивается, что стоящая за прозвищем история, как правило, обладает высокой степенью сохранности в памяти социума и легко воспроизводится, хотя и с некоторыми вариациями деталей. Косвенным подтверждением принадлежности прозвища к числу ситуативно обусловленных является его несоответствие продуктивным моделям по формальным или семантическим критериям. Также высказывается предположение, что ситуативная мотивировка может быть вторичной для прозвищ, которые с высокой степени вероятности имеют в основе другой признак. Наглядность ситуативной номинативной модели провоцирует информантов на создание и воспроизведение соответствующих пояснительных контекстов.

Ключевые слова: антропонимия; индивидуальные прозвища; мотивационная модель; нарратив; русские народные говоры; Русский Север; Урал

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

© Борисова Е. О., 2024

Для цитирования

Борисова Е. О. К изучению индивидуальных прозвищ с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036

Рукопись поступила в редакцию 15.05.2024

Рукопись принята к печати 20.07.2024

Elizaveta Olegovna BORISOVA

PhD, Associate Professor, Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: joborisowa@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

**TO THE STUDY OF INDIVIDUAL NICKNAMES
WITH SITUATIONAL MOTIVATION
IN RUSSIAN FOLK DIALECTS****Abstract**

This article investigates a specific naming pattern found in traditional individual nicknames, where the internal form of the nickname references a particular episode in the individual's life. This pattern is proposed to be termed *nicknames with situational motivation*. The study is based on field recordings from the Toponymic Expedition of Ural University, conducted in the Arkhangelsk, Vologda, Kirov, Kostroma, Chelyabinsk, and Sverdlovsk regions, as well as in the Perm Krai. Many of the nicknames discussed are being introduced into academic discourse for the first time. The first part of the article examines how specific situations are encoded in the internal form of nickname anthroponyms, as recounted in informants' stories. The most frequent patterns involve references to notable details of an event or to remarks made by participants, such as humorous or uncharacteristic phrases, slips of the tongue, speech errors, or self-referential remarks. The second part of the article attempts to establish criteria for evaluating the reliability of situational explanations provided by informants. The analysis shows that the stories behind nicknames are generally well-preserved in collective memory and are easily reproduced, albeit with occasional variations in detail. A nickname's deviation from productive formal or semantic patterns can serve as indirect evidence of situational motivation. Additionally, it is suggested that situational motivation may sometimes be secondary, with another characteristic forming the nickname's primary basis. However, the clarity of the situational naming pattern often encourages informants to construct or adapt explanatory contexts to fit the pattern.

Keywords: anthroponymy; motivational pattern; narrative; individual nicknames; Russian folk dialects; Russian North; Ural

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation

Borisova, E. O. (2024). To the Study of Individual Nicknames with Situational Motivation in Russian Folk Dialects. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036

Received on 15 May 2024

Accepted on 20 July 2024

Известно, что прозвища играют важную роль в повседневной жизни традиционного деревенского социума, выполняя, помимо номинативной, также характеризующую функцию, поскольку во внутренней форме индивидуального прозвища закрепляется, как правило, какой-либо признак, отличающий носителя прозвища от окружающих людей: особенности внешности, характера, рода деятельности и т. д. В работах, посвященных истории формирования антропонимической системы в русском языке [Селищев 1968; Чичагов 1959], а также современным прозвищам, функционирующим на той или иной территории [Визгалов 1971; Гузнова 2016; Денисова 2007; Кокарева 1998; Поротников 1970; 1975; Сьянова 2007; и др.], представлены разные варианты мотивационных классификаций прозвищных антропонимов. Так, В. К. Чичагов пишет, что прозвища даются: 1) по сходству человека с внешним видом предмета, название которого является его прозвищем; 2) по сходству характера человека со свойствами того или иного предмета; 3) по особенностям речи; 4) могут быть простыми определениями [Чичагов 1959: 37–38].

Составители «Большого словаря русских прозвищ» Х. Вальтер и В. М. Мокиенко во вступительной статье отмечают, что «типология по семантическим доминантам номинации была в общих чертах начертана уже в первых послевоенных публикациях о прозвищах и остается актуальной и сейчас» [БСРП: 10]. В качестве примера авторы приводят мотивационные классификации В. А. Флоровской [1971] и Т. Н. Чайко [1971], отмечая, что в обеих работах в качестве номинативных признаков выделяются внешность человека, черты характера и особенности поведения, особенности произношения и речи, имена и фамилии, профессии и вид деятельности и т. д. [Там же: 10–11]. По наблюдениям В. А. Флоровской, наиболее частотны прозвища, «характеризующие внешность человека, а по структуре — однословные номинации» [Там же: 11].

Как видно из приведенных классификаций, обычно речь идет о наделении человека прозвищем на основании какого-либо постоянного признака или свойства. Однако при фронтальном просмотре антропонимической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета [АКТЭ], в которой хранится прозвищная антропонимия, собиравшаяся нашими коллегами на протяжении нескольких десятилетий на территории Урала, Русского Севера и Верхнего Поволжья, мы заметили, что информанты нередко связывают появление нового прозвища с конкретной ситуацией и подробно рассказывают эту историю (о том же свидетельствует наш личный полевой опыт).

Приведем примеры подобных рассказов¹:

Запекáнка: «Пришёл он как-то на беседу. Сидит и запеканки ест, а решил на других свалить. Вот и спел: “Катерининские бабы / На нас из кути глядят, / Вынимают из кармана, / Запеканочки едят”. Так и стал *Запеканкой*. Сам виноват» (Костр., Кад.);

Тру́бка: «Толя трубку потерял — *Трубкой* и звали всю жизнь» (Арх., Он.);

Козёл: «Ему надо расписаться *Козырев*, а он написал “козёл”, не шибко грамотный был, так теперь и правнуки *Козёл* позаглазье» (Арх., Вил.);

Мóжа: «Прозвище Валерки Кузнецова — от слова “может”. Мы играли в футбол и потеряли мячик в огороде. Ну и он говорит: “А можа... можа он это — в огороде?” Ну и в 9 лет сам себе кличку дал, сейчас ему 65 лет, его так и зовут — *Можа*» (Челяб., Сатк.);

и др.

Во многих рассказах повторяется история о том, как человек «сам себе дал прозвище», используемое на протяжении многих лет после события. Прозвища, фиксирующие во внутренней форме отдельный эпизод (случай) из жизни своего носителя или проявление какого-либо свойства «разово», в конкретной ситуации, мы будем называть *ситуативно обусловленными*. В настоящей статье рассматриваются ситуативно обусловленные прозвища, записанные Топонимической экспедицией на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Челябинской и Свердловской областей, а также Пермского края. Бóльшая часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Отметим, что ситуативно обусловленные прозвища обычно не включаются в мотивационные классификации как отдельная группа. Например, Т. Н. Чайко, анализируя мотивацию прозвищ, собранных Топонимической экспедицией в Кировской области, относит оговорки к «особенностям речи», а остальные эпизоды — к «каким-либо событиям из жизни человека», наряду с событиями, обладающими протяженностью во времени или повторяющимися неоднократно: *Дутов* («в армии Дутова был в гражданскую войну»), *Помидорина* («появились помидоры, а он думал — яблоки, попробовал — не понравилась»), *Малáх* («я и на Малаховых горах бывал») и т. д. [Чайко 1971: 152].

Особое внимание ситуативным прозвищам уделяет А. Н. Кушкова, которая анализирует бытование и социальные функции прозвищ на основе материалов, собранных в 1998–2006 гг. в Шольском сельсовете Белозерского района Вологодской области [Кушкова 2009]. Собирательница высказывает предположение

¹ Для упрощения подачи материала прозвища, извлеченные из [АКТЭ], приводятся без указания на источник; отмечается только территория.

о том, что прозвище «обладает большей “инерцией”, чем мотивирующий его контекст», который постепенно забывается деревенским социумом. Подтверждением этому она считает «практическое отсутствие “прозвищ по случаю”, т. е. того, что можно назвать “персональным этиологическим нарративом”, строящимся по формуле “событие X — и с тех пор его стали звать”» [Кушкова 2009: 13]. Материалом для наблюдений А. Н. Кушковой среди прочего стали 76 крестьянских прозвищ, записанных в Пошехонском уезде и опубликованных в заметке А. Балова [1899: 281–283]. Из них пять А. Н. Кушкова трактует как «прозвища по случаю»²:

Клеёнка: «Крестьянин попытался раз украсть в лавке клеёнку, но кража не удалась, и его в насмешку стали звать клеёнкой»;

Шукал: «Однажды ястреб унес курицу. Происшествие это видел крестьянский мальчик. Его стали бранить за то, что он не стал гонять ястреба. Мальчик стал оправдываться, говоря: “Я шукал, шукал его”. Слово “шукал” показалось забавным, и мальчика прозвали “шукал”. Прозвище это осталось за ним на всю жизнь»;

Паторы: «Один мальчик ходил по миру. Его и спросили: много ли вас у матки ребятишек? “Патора” (т. е. пятеро), — отвечал мальчуган. Благодаря такому ответу вся семья стала прозываться “паторами”»;

и т. д. [Кушкова 2009: 13].

В материалах, зафиксированных в Шольском сельсовете, к этой категории с определенной степенью условности (на наш взгляд, достаточно высокой) относятся три прозвища из 110³, что трактуется А. Н. Кушковой как один из признаков постепенного разрушения системы прозвищных именовании в деревенском социуме.

Материалы [АКТЭ] свидетельствуют, что ситуативно обусловленные прозвища, или, выражаясь корректнее, прозвища, которые представляются ситуативно обусловленными членам социума, не являются «номинативной периферией». Из 6 700 прозвищ, сопровождаемых в [АКТЭ] пояснительными контекстами, более 200⁴ связываются информантами с конкретными случаями,

² А. Балов приводит прозвища единым списком, без авторских комментариев и деления на мотивационные группы; А. Н. Кушкова также перечисляет «прозвища по случаю», не называя их долю в общем количестве зафиксированных антропонимов, однако нам представляется важным отметить продуктивность ситуативных прозвищ относительно других.

³ Так, например, в число названных трех входит прозвище *Гуляй Нога* (жен.), связь которого с конкретным случаем не выглядит убедительной: «когда-то сломала ногу, возможно, потом хромала» [Кушкова 2009: 29].

⁴ Приведем для сравнения количество прозвищ в группах, которые традиционно выделяются в мотивационных классификациях: так, среди прозвищ, зафиксированных Топонимической экспедицией на Урале и Русском Севере, особенностями речи («громко говорит», «часто использует

эпизодами из жизни (мы не называем точное количество, поскольку в некоторых случаях контекст допускает неоднозначную трактовку⁵).

Несмотря на предполагаемое разнообразие ситуаций и определенную уникальность отдельных историй, которые привели к возникновению прозвищ, мы предприняли попытку проследить закономерности «ситуативной номинации»: определили способы закрепления конкретной ситуации во внутренней форме прозвища, а также выделили типы ситуаций, стимулирующих номинативную активность носителей говора. В первой части статьи в центре нашего внимания будет именно речь информантов — их рассказы о происхождении прозвищ, тот самый «этиологический нарратив», о котором пишет А. Н. Кушкова [2009: 13]. Свои предположения относительно достоверности ситуативно обусловленных мотивировок мы выскажем после представления материала.

По способу вербализации прозвищные антропонимы делятся на две большие группы: в первом случае прозвище представляет собой *о п и с а н и е с с т у а ц и и* (разной степени абстракции), во втором прозвищем становится *ф р а з а*, сказанная кем-то из участников ситуации.

Начнем с вариантов описания. Первый и наиболее частотный — это закрепление в качестве прозвища *н а и м е н о в а н и я к а к о й - л и б о з н а ч и м о й д е т а л и*, напоминающей о необычной ситуации:

Карás: «*Карас*, потому что пахал поле и выпахал караса живого» (Арх., В-Т);

Грузень: «Ходили раз ребята за грибам, и он нашёл большущий груздь, так и прозвали» (Влг., Устюж.);

Штаніна: «Плясал по кругу-то, и из сапога выпала штанина, так и звали его потом — *Штанина*» (Костр., Пав.);

Сумка (муж.): «Мать на свадьбу сумку подарила (за спиной носить)» (Арх., Уст.);

Пётелка: «В молодости в петлю ушла, хотела повеситься» (Арх., Он.);

Вáсья Тéсто: «В детстве поел непечёного теста с изюмом, отсюда и прозвище» (Влг., Бабаев.);

Мушник: «Матка-то пякла мушники⁶, а он и смял» (Костр., Кологр.);

какое-то выражение», «неправильно произносит определенное слово» и т. д.) мотивированы около 250, этнической принадлежностью — около 200.

⁵Например, *Коля Булочка* объясняется так: «Сын у меня был белой, румяной: “Ты, Коля, как булочка”. Так и прозвали *Булочка*» (Влг., В-Уст.). Из данного контекста не следует однозначного вывода, регулярно ли Колю описывали подобным образом или это был единичный случай, закрепившийся в прозвищном антропониме. Примеры, допускающие несколько вариантов трактовок, мы в настоящей статье не рассматриваем.

⁶Ср. костр. *мушник* ‘пирог, начинка которого также делается из муки’ [ЛКТЭ].

Лёвушка Шанежка⁷: «Тесть уехал на покос, а хлеба ещё не было, а баушка принесла шаньги пресные, а тут река. Она стоит и ревет: “Дедушка, я тебе шаньги принесла”. А он рубашку скинул — и в реку. Переплыл, шаньги в зубы и поплыл обратно. Его и прозвали *Лёвушка Шанежка*» (Свердл., Алап.);

Поварёнка: «Раньше ямщики ездили в дороги артелями. На одном постоялом дворе один ямщик начал есть раньше всех. Женщина ударила его поварёнкой. Вот и прозвали его *Поварёнка*» (Перм., Сукс.);

Горшók: «Все горшки разбили ему, пьяный мужик был» (Влг., В-Уст.);

Пароходник: «Дед его что-то украл на пароходе, так и прозвали» (Влг., Кирил.);

Корóвник: «Со скотного двора увёл корову» (Арх., Шенк.).

Отметим, что благодаря добавлению суффикса со значением деятеля прозвища *Пароходник* и *Коровник* приобретают семантический оттенок постоянного свойства.

Прозвище может сообщать о свойстве, полученном в результате произошедшей ситуации или проявленном в ее процессе, например:

Дрiсья: «Дизентерией заболел, в больнице лежал» (Арх., Котл.);

Рiя Бiтая: «*Рая Битая* есть, звали, она с трактором где-то опрокинулась — убитая убилась» (Влг., В-Уст.);

Морóженный: «Нашли его обмороженного, привезли в морг, а он оттаял и в больницу пошёл» (Костр., Парф.).

Подчеркнем, что в абсолютном большинстве примеров (помимо двух последних) прозвищем становится существительное. Вероятно, с приоритетом существительных над другими частями речи при образовании прозвищных антропонимов связано то, что в некоторых случаях прозвищем становится наименование детали ситуации, которая выглядит как второстепенная:

Острiча⁸: «Ездил он клюкву продавать за Острачу, ну продал, стал в карты играть, деньги проиграл, так и стал *Острачой*» (Влг., Чаг.);

Копiто: «Лошадь ударила, и прозвали *Копыто*» (Арх., Вин.);

Шлея: «Осовской Костя, а звали *Шлея*. Шлея — это упряжь на лошади. За плуг (в детстве) поставили — и человека не видно» (Влг., Тот.).

Иначе примеры такого типа можно объяснить сохранением истории возникновения прозвища в редуцированном виде.

⁷Ср. свердл. *шiньга* ‘круглый открытый пирог с начинкой из творога, картофеля, ягод и т. п.; лепешка, политая сверху сметаной’ [СРГСУ 7: 42].

⁸Острiча — населенный пункт в Ленинградской области.

Большая группа ситуативно обусловленных прозвищ представляет собой ироническое и образное осмысление ситуации или личностных качеств, проявленных ее участниками:

Желёзный Нос: «Когда-то по пьянке ударили его по носу, а нос целехонек, потому и *Железный Нос*» (Влг., Кирил.);

Галифё с Заплатами: «Работать наниматься пришёл к богачу: “Не дашь ли мне хоть на гачи заработать?” А богач вынес ему штаны с лампасами, вот и прозвали этого работника *Галифё с Заплатами*» (Арх., Прим.);

Олень: «Это отца нашего так звали. На свадьбе одел лосиные рога себе и ходит по деревне» (Перм., Сукс.);

Кот: «Он сметаны рыльник вылизал у одной старухи» (Влг., Бабуш.); «Ране он обжегся на сковороде и пальцы облизал, потому и *Кот*» (Перм., Сукс.);

Козлёнок: «Обозвали человека *Козлом* — он через огород перепрыгнул — на Кошелёве был *Козёл*. А жену его Надьку *Козлихой* стали звать, да и дети-то — *Козлята*» (Костр., Вох.);

Петух: «У меня у деда было прозвище *Петух*. Он однажды на столб залез, лететь, видно, хотел, да упал — вот и *Петух*» (Перм., Сукс.);

Вовка Курица: «Пошли мы купаться, в репейнике он яйца нашёл, курица их там снесла» (Арх., Котл.);

Мерёсьев: «Бензин на себя пролил случайно, да поджегся, *Мерёсьевым* прозвали» (Влг., Устюж.);

Космонáвт: «С горы вместе с трактором свалился, летел, переворачивался, жив остался» (Влг., В-Уст.);

Щука: «Когда-то эту женщину побил муж, она с горя пошла топиться в Онегу, да так и не утонула, а только побарахталась, как щука, в траве» (Арх., Карг.).

На первый взгляд, в основу ситуативно обусловленных прозвищ может быть положена любая произошедшая ситуация — и чем она необычнее, тем вероятнее закрепление памяти о ней в индивидуальном прозвище. Однако сильна тенденция к «замечанию» и последующему закреплению в прозвищах одних и тех же фактов биографии. В первую очередь это необычные место или обстоятельства, сопровождающие момент рождения:

Боровик: «*Саша Боровик* звали. Мать его на бору родила» (Влг., Бабаев.);

Ёловик: «Матка родила под ёлкой, всю жизнь звали *Ёловином*» (Влг., Шексн.);

Моряк и Моряковна: «Мать на реку беременная пошла, да там и родила, так мальчика *Моряком* стали звать, а мать — *Моряковна*» (Влг., Хар.);

Долгий: «*Илюшу Долгово* матери в Долгом Ручье родила» (Арх., Уст.);

(Вася) Кокуй: «Поле есть Кокуй, баба жила на Кокуе, родила ребёнка, принесла домой в фартучке. Вот и прозвали *Вася Кокуй*» (Влг., Ньюкс.);

Орешек: «Они бедные были и семь человек детей. Мать, когда на сносях была, пришла к Ореховой Паше, там и родила его. Он до сих пор *Орешек* остался» (Влг., Устюж.).

Ср. реализацию этой же модели для другой ситуации:

Шут: «У Шутовых женился, так и *Шут*» (Влг., Вож.).

Во внутренней форме прозвищ часто закрепляется память об эпизодах в о р о в с т в а (уже названные выше *Пароходник*, *Коробник*, а также *Петр Палтас*: «У соседей палтас украл, рыбу» — Арх., Пин.; *Десятка*: «Десятку украл он» — Кир., Дар.; и др.), о к а р н а в а л ь н ы х о б р а з а х (*Монах*: «Порядился раз в Святки монахом, так до конца жизни и ломили» — Влг., Кирил.; *Пятак*: «Да на Новом году чертиком был, у него пятак такой черный был» — Костр., Парф.) и выбранных р о л я х в и г р а х (*Колчак*: «В игру играли, он Колчаком был, так *Колчаком* и остался» — Арх., Вин.; *Мошка*: «Играли в детстве, он ей говорит: “Я буду комар, а ты мошка”. Они соседями были, их и теперь так зовут» — Арх., Вил.), а также о разного рода о п л о ш - н о с т я х ⁹ (*Кадилов*: «Дед был дяконом. Однажды, подавая попу кадило, уронил его, за что и был расстрижен» — Арх., Карг.; *Кулага*: «Кулагу¹⁰ пролил, кушанье из солода» — Свердл., Тал.; *Канавка*: «Попов однажды пьяный попал в канаву и выкупался в ней» — Арх., Карг.; *Бочаг*: «*Сашка Бочаг* его прозвали, потому что с трактором застрял, потонул в бочаг¹¹» — Влг., Тот.).

Вторую группу составляют ситуативно обусловленные прозвища, появившиеся из ф р а з ы (или ее части) кого-то из участников ситуации, чаще — будущего носителя прозвища. Фраза может быть шуточной (*Кефир*: «Молоко в молоковозе скисло. “Не молоко, а кефир!” Так и стал *Коля Кефир*. А хороший парень» — Влг., В-Уст.), звучать забавно (*Двадцать Две Копеечки*: «Стояли в очереди, сдачу спросили — двадцать две копейки с вас, вот и началось — *Двадцать Две Копеечки*» — Костр., Парф.) или «необычно» (*Крымский*: «Один вот из Крыма табаку привёз, угощает мужиков, говорит: “Покурите крымского”, — так ведь его всю жизнь *Крымский* зовут» — Арх., К-Б; *Букашка*: «В Котласе жила, приехала сюда летом и говорит: “Фу, какие здесь букашки”. Её и стали *Букашкой* звать. Букашками-то комаров назвала. А в Котласе всего два месяца жила» — Арх., Вил.), маркировать нетипичное

⁹Ср. наблюдение, сделанное А. Ярковым еще в начале XX в.: «Народ не пропускает ни одного случая в жизни, чтобы за какой-нибудь проступок не заклеить не только провинившегося лица на всю жизнь, но даже все его потомство» [Ярков 1902: 127].

¹⁰Ср. свердл. *кулага* ‘брага’ [СРГСУ 2: 72].

¹¹Ср. арх., влг. *бочаг* ‘яма с водой, глубокая лужа’ [СРПС 1: 174].

поведение (**Кўкин**: «Ухоронился да кричал: “Ку-ку, ку-ку!” — долго найти не могли» — Арх., Он.; **Кокўшка**: «Дядя пошел оправляться за сарай и всё кричал: “Ку-ку! Ку-ку!” — его и прозвали» — Костр., Костром.). В некоторых случаях прозвищем становится фраза, которая «со стороны» выглядит вполне нейтрально:

Ерунда́: «Бригадиром был. Полоска осталась одна в поле — “Ой, это ерунда!” Вот и прозвали *Ерундой*» (Арх., Котл.);

Юбочка: «Ей мати юбку подарила, она говорит: “Ой, юбочка какая!” С тех пор её *Юбочкой* зовут, а иногда *Оборочкой*» (Арх., Вил.);

(**Серёжка**) **Нужда́**: «Спросили: “Ты почто пошёл пастухом?” — “Нужда заставила”. Теперь он *Нужда*, дети *Нуждины*, жена *Нуждиха*» (Арх., В-Т);

Куст: «Рассказывал: “Еду, думал — человек, а там куст-то”. С тех пор *Кустом* прозвали» (Влг., В-Уст.).

Чаще всего в функции прозвищного антропонима закрепляются фразы, сказанные человеком о себе. Приведем некоторые примеры такого рода:

Козодой: «Парень у нас в школе был, его звали *Козодой* за то, что он как-то сказал: “Я у мамы козу доил”» (Костр., Пыщ.);

Ляга: «Шел мужик пьяный, видит лягу¹² и говорит: “Вот сейчас в лягу лягу”. Его до смерти и звали *Ляга*» (Влг., Вож.);

Кислый: «*Сергей Кислый* до сих пор его зовут, мальчишкой пришел и говорит: “Я съел две шаньги, две кислых да три пресных”, вот и прозвали *Кислый*» (Арх., Прим.);

Вася Пресенка: «Он сам себя *Пресенкой* назвал. Когда маленький был, влез на чердак, нашёл там пресенку¹³, вылез в окошко и кричит матери: “У меня-то пресенка”. Так и зовут его с тех пор *Вася Пресенка*» (Влг., В-Уст.);

Бутылка: «Он был большой рыбак, рыба свежая у него всякий раз, кричит: “Иди ко мне, закуска у меня и бутылка”, — да так и приклеилось» (Арх., Холм.);

Прыгалo: «В школе ещё он какую-то штучку кривую написал: “Ой, ребята, я прыгулю нарисовал”. Его и прозвали на весь век *Прыгалом*» (Влг., Кирил.);

Тыща: «Сказал: “Я получу денег тыщу”, — вот и прозвали *Тыща*» (Арх., Он.);

Котовский: «Как-то муж пришёл в парикмахерскую. Его спросили, как постричь. А он и говорит: “Под Котовского”. Вот и стали звать его *Котовский*» (Костр., Окт.);

¹²Ср. арх., влг. *ляга* ‘лужа’, ‘яма с водой, канава’ [СГРС 7: 196].

¹³Ср. влг. *пресенка* ‘прялка’ [ЛКТЭ].

Солодягин: «Дед жил скудно, но однажды справил хороший обед и, поев, сказал: “Ну, как у Солодягиных!” А Солодягины-то крупными купцами тогда были. Вот оттуда и пошло» (Арх., Мез.);

Дядя Скоббель: «Был после революции в Ленинграде большой генерал Скобелев, а этот старик и говорит: “У меня борода, как у Скобелева”» (Арх., Холм.);

Высоким номинативным потенциалом в прозвищной антропонимии обладает эксплицитное утверждение себя в статусе, необычном для деревенского социума (или неожиданном для конкретного человека):

Комиссар: «В войну по речкам плавил грузы. Один мужичок хотел пожаловаться на него комиссару. А он говорит: “Пожалуйста, беги, я сам комиссар”. С тех пор его *Комиссаром* прозвали» (Арх., В-Т); «Нарядился: “Я как комиссар!”» (Кир., Дар.);

Буржуй: «Ширяева называли *Буржуем*, кто-то потом посмеялся — его, Ширяева, приехали кулачить. “Показывай, — говорят, — что у тебя есть”. А у него десять человек детей мал мала меньше. “Ты ж, — говорят, — нищий. Почему *Буржуем* пишут?” — “А мне как-то пальто подарили, я его надел и сказал: “Ну, теперь я как буржуй”. Кличка и пристала» (Костр., Парф.);

Мишка Богач: «Он напился пьяный и начал кричать в столовой: “Я — богач”» (Арх., Уст.);

Танкист: «Пришел из армии, стал вставать на учет. Говорит: “Честь имею доложить, Герасимов — танкист”» (Костр., Кад.);

Никола Чекист: «Служил он во внутренних войсках, пришёл домой и говорит: “Чекист я, чекист”, так и прозвали с тех пор» (Арх., Котл.).

Помимо запомнившейся фразы или утверждения себя в непривычной для окружающих роли, для закрепления «автономинаций» в качестве мотивации прозвища важно, по всей видимости, чтобы они соотносились с продуктивными моделями образования прозвищных антропонимов в целом. Так, например, среди прозвищ, мотивированных конкретными высказываниями, в [АКТЭ] 27 раз фиксируется прозвище *Король* и 18 раз — *Баран*. Оба слова обладают устойчивыми коннотациями и ярко выраженной эмоциональной окраской. Ср.:

Король: «В детстве играли в карты: “У тебя какая карта?” — “Король”. Так и прозвали *Королём*» (Арх., Котл.);

Сано Король: «Заходит в новой спецовке: о-о-о, я сегодня как король! И приклеилось! Стали называть *Сано Король*» (Свердл., Алап.);

Баран: «Санька Бараниха рассказывала: тятя лоб в мазуте вымарал, стал так, лоб нагнул: “Ну, я как баран” — вот и прозвали *Бараном*» (Арх., Пин.);

(Генка) Баран: «Его спросила учительница, кто дома, а он ответил: “Мать да баран”. Так к нему и пристало» (Влг., В-Уст.).

Приведем еще два примера необычных «самоназваний». Так, история прозвища **Капитюлька (Кипитюлька)** рассказывается разными информантами с вариациями: «Сказал деушке: “Капитюлькин моё фамилие”. Она приходит к начальнику и говорит: “Вызовите товарища Капитюлькина”. — “Нет у нас такого”. Только с тех пор прозвали его так — сам себе дал прозвище» (Влг., Тот); «Слюбился он на службе с девкой и сказал ей, что *Кипитюлькой* зовут. Два месяца письмо на почте лежало для Ивана Степановича Кипитюльки» (Арх., Уст.). В следующем примере человек сам попросил дать ему прозвище, и его желание сразу же было исполнено: «У всех назывки были, а у него нет, он и скажи: “Мне бы прозвище жиденко”. С той поры стали звать *Жиденко*, а потом *Жйжа*» (Перм., Сукс.).

Выделим также автономии, в которых человек допускает оговорку:

Васька Сельдут: «Он сказал при народе: “Я сам сельдут” — вместо “солдат”» (Арх., В-Т);

Ворона: «У них фамилия была Вороничева. Пришел начальник, спрашивает: “Как фамилия?” Он говорит: “Ворона”» (Арх., Вел.).

Ситуативно обусловленные прозвища, мотивированные разного рода оговорками и ошибками в речи, вообще составляют большую группу:

(Нюра) Зив: «Пришла она к тётке и хотела разлив взять, а сказала: ‘Дайте зив’, и прозвали её — *Нюра Зив*» (Влг., Ваш.);

Махло: «Хотел сказать: “Дунька, иди кашу с маслом есть”, — а сказал: “с махлом”» (Арх., В-Т);

Хорка: «Сказала “хорка” вместо “корка”» (Влг., Кирил.);

Тардой: «Говорят: “Ты, Ванька, ел?” — Говорит: “Нет, хлеб тардой”. Так он и всю жизнь *Тардой*, и дети *Тардята*» (Свердл., Туг.);

Тэрэ: «Однажды его понесли сильно лошади, он с испугу закричал не “тпр-р-у-у”, а “тэрэ, б..., тэрэ!”» (Влг., Ник.).

Основой для прозвищ могут становиться ошибки в речи у маленьких детей, которые не выговаривают слова:

Хамьян: «Маленький был, чуть заумел говорить, назвал вот кафтан хамьяном, с тех пор так и семья вся» (Арх., Прим.);

Коварка: «Он маленький был, в магазин пришёл. “Тебе чаю?” — “Нет, коварки”. Не “заварки”, а “коварки”, маленький дак. Вот и стал *Коварка*» (Костр., Шар.);

Панкрат: «Домкрат панкратом в детстве назвал» (Кир., Халт.);

Гулизáр: «Он пришёл в деревню к нам маленькой, а сам он из деревни Елизарово пришёл. Ево спросили: “Откуда ты?”, а он говорит: “Из Гулизарово”, ево так и прозвали — *Гулизар*» (Арх., Карг.)¹⁴.

Особенно часто прозвища мотивируются о ш и б к а м и п р и о т в е т е в ш к о л е — в этом случае, по всей видимости, играет важную роль большое количество свидетелей оплошности:

Комáр: «В первом классе в букваре он вместо другого слова прочитал “комар”, так его и прозвали *Комар*» (Влг., Шексн.);

Дед: «В детстве на уроке чтения вместо слова “дело” прочитал “дед”. С тех пор его и зовут *Дед*» (Арх., Уст.);

Пресвятáя Богорóдица: «Учился он, да к доске его вызвали, говорят: “Это што написано-то?” Говорит: “Богородица написана»» (Арх., В-Т);

Патрóн: «На уроке вместо “понтон” сказал “патрон»» (Кир., Дар.);

Корчáга: «На вопрос: “Где спасся Ной во время потопа?” — ученик, не слышав подсказки, ответил: “В корчаге” (вместо “в ковчеге”)» (Кир., Дар.);

и др.

С событиями школьной жизни связан еще один вариант возникновения ситуативно обусловленных прозвищ — о ш и б к и в п и с ь м е н н о й р е ч и, или описки:

Чулáн: «Фамилия у него Чечулин, а он в школе написал “Чечулан”, учительница прочитала и сказала: “Чулан»» (Арх., Вин.);

(Андрюшка) Бедá: «Написал он как-то в школе слово “победа” отдельно. С тех пор так и зовут» (Влг., В-Важ.);

Кочерóк: «Надо было написать “кочерёг” (мн. ч. от “кочерга”), а он вместо “г” “к” написал» (Свердл., Туг.).

В некоторых случаях информанты объясняют появление прозвища фразой, сказанной не с а м и м о б л а д а т е л е м п р о з в и щ а, но в его адрес:

Олябыш: «Это я ему прозвище дала, не нарочно, конечно. На покосе он некрасивый зарод наделал, я и скажи: “Вот какой олябыш наметал”. Так его всю жизнь *Олябышем* зовут» (Арх., Вил.);

¹⁴Не все прозвища, мотивированные ошибками в детской речи, отнесены нами к ситуативно обусловленным, поскольку во многих случаях информанты отмечают, что неправильное произношение сохранялось длительное время:

Ялушник: «“Р” не мог сказать, в детстве всё просил: “Мамка, дай ялушника!”» (Арх., Вил.);

Царь Султáн: «Маленький был, всё просил бабушку: “Расскажи мне сказку о царе Султане!” Произнести-то не умел правильно» (Арх., Карг.);

Кокóрина: «В детстве не выговаривал слова “который”, а говорил “кокора»» (Влг., Сок.); и мн. др.

(Вася) Кóтко: «У него усы были, пришёл он раз грустный, ему говорят: “Ты что, как кот, усы повесил?” С тех пор и пошло» (Арх., Вил.);

(Васька) Председáтель: «У меня сын Вася был, он как-то нашел дома белую кепку и в ней в поле пришёл. А мужики смеются, говорят: “Васька-то наш как председатель”. Так и осталось за ним *Васька-Председатель*» (Арх., Мез.);

Председáтель: «У меня брата прозвали *Председатель*. Ему купили пальто новое, а сосед напротив говорит: “Ну, ты теперь стал как председатель”, — ведь в то время только председатели в пальто-то ходили. А он еще маленький был, так кличка и пристала к нему» (Костр., Мак.);

Кой-из-чегó: «Родителей спрашивают: “Чё вы второго-то не делаете?” — “Да отстаньте, этого-то кой из чего сделали”» (Костр., Солигал.);

Прóбка: «Девка только родилась, так бабка её говорила, что она как пробка вылетела, поэтому внучку так и прозвали» (Арх., Кон.).

Чаще других автором прозвища называют кого-то из близких родственников — в этом случае в прозвищном антропониме закрепляется один раз высказанная меткая характеристика (позитивная или негативная) будущего обладателя прозвища:

Гусáра: «Он родился, а его отец похвалился: “Гусар, — говорит, — у меня будет, в гусарские войска служить пойдёт, когда вырастет”. С тех пор и прозвали *Гусара*» (Арх., Котл.);

(Ваня) Мужéйк: «Мать ему: “Большой стал, как мужик”. Ну, и прозвали *Мужик*, так и помер мужиком» (Арх., Вил.);

Ком Зóлота: «Мать однажды сказала: “Такой смышленный, мастер на все руки, не Гриша, а ком золота”. Так и прозвали» (Арх., Вил.);

(Ваня) Пришивнáя Головá: «Его бабка так назвала, говорит: “У, пришивная ты голова”, с тех пор так и пошло» (Арх., Вил.);

Кóшка: «Сметану она с молока снимала и ела её на особицу. Отец строгий был. Увидел и говорит: “Ах ты, кошка поганая!”» (Влг., В-Уст.).

Итак, как правило, момент и причины обретения прозвища конкретным человеком могут быть хорошо известны окружающим, что отличает прозвища от других видов онимов. Будучи свидетелями появления новой языковой единицы, информанты с большим желанием рассказывают истории возникновения прозвищ, особенно ситуативно обусловленных, за которыми, как видно из примеров, часто стоит необычный, забавный случай. Во многих рассказах повторяются мотивы «сам себя назвал», «сам виноват», «один раз сказал (или сделал) — и всю жизнь ходил с напоминающим об этом прозвищем».

Выше мы выделили различные «технические» варианты закрепления ситуации во внутренней форме прозвища — эта классификация

основывается на прямой речи информантов. Очевидно, что в реальном процессе номинации границы между разными выделенными группами могут сдвигаться. Например, метафорические описания могут проходить — и, скорее всего, проходят — через стадию эксплицитных сравнений, которые встречаются среди прозвищ, мотивированных высказываниями свидетелей ситуации, ср.:

Финн: «В школе на физкультуре надо было с горы на лыжах проехать, никто не смог, а он проехал хорошо. Ему и говорят: “Финн!” — что, мол, хорошо на лыжах ездит, как финн. После этого так всю жизнь его и звали *Финн*» (Костр., Вох.).

Возникает вопрос, насколько в целом достоверны свидетельства рассказчиков о «ситуативных» мотивах возникновения прозвищ. Известно, что одинаковые прозвища могут получать разные люди по разным причинам, особенно если исходная лексема обладает широким спектром коннотаций. Ср. объяснения прозвища **Чануй:** «Он тоже Василий Иванович» (Влг., Ньюкс.); «По усам его назвали» (Арх., Прим.); «В 8 лет переплыл р. Унжа» (Костр., Мант.); «Он очень быстро возил копны и бойкий на лошадях был» (Влг., В-Уст.) и др.; ср. также примеры, приведенные в [Чайко 1971: 150]. Немало случаев, когда при фиксации одного и того же прозвища несколько раз у разных информантов версии о причинах «прозывания» отличаются:

Петрунька Зайчик: «Дано за быструю походку» и «Он на зайца похож как раз, глаза большие и чуть наось» (Арх., Уст.);

Гарец: «Прозван за маленький рост» и «Он пил, гаркал, вот и зовут *Гарец*. Орёт много» (Арх., Вел.);

Ведмедь: «Он такой ядрёный мужик был, пять пудов мог унести зараз, потому *Ведмедь* звали, медведь то есть» и «Он слово “медведь” не мог сказать, говорил “ведмедь”» (Арх., Холм.);

и мн. др.

Поиск ситуативно обусловленных прозвищ осложняется тем, что для русского языка нехарактерны причастные и глагольные конструкции в функции имен собственных, что не позволяет сохранить «процессуальность» во внутренней форме. Необходимо, таким образом, разработать критерии, косвенно указывающие на возможность ситуативной мотивировки.

Мы сравнили повторяющиеся фиксации прозвищ, для которых как минимум в одном случае предлагается «ситуативное» объяснение. Нам не встретилось примеров, для которых информанты предлагали бы противоречивые интерпретации (кроме, пожалуй, прозвища **Дирéктор:** «Климов пошутил однажды: подписался “директор”, до смерти *Директором* звали» и «Он одно время заведовал семенами на складе, все *Директор* да *Директор* его, а он

отзывается» — Влг., Кирил.). Многие истории хорошо помнятся деревенским социумом и воспроизводятся разными людьми:

Ело́ховая Метла́: «Мужик сделал метлу из елохи¹⁵, а елоха слабая, кто из ёй мётлы делат? Обломилась у его. Вот его вся деревня звала *Елоховая Метла*» и «Он любил елоховые дрова. И метлу сделал елоховую. Как махнул ей — она и сломалась. Мягкая ведь елоха. Вот ему и дали прозвище — *Елоховая Метла*» (Костр., Мак.);

Миля́га: «Лошадь упала и сдохла, а он её пожалел: “Миляга ты моя”», «Когда молотили, одна лошадь упала, а Колька пожалел: “Миляженька”, — говорит» и «Лошадь у него упала, а он стоит: “Ох ты, миляга”. Так он и остался *Милягой*» (Влг., Чаг.).

В других случаях, транслируя совпадающие мотивы происхождения прозвища, информанты расходятся в представлениях о единичности или повторяемости ситуации:

Веня Ля́бой: «Когда его в детстве спросил отец: “Каки цвета коровы?” — он ответил: “Чёрны, белы, лябы (т. е. рябы)”»; с тех пор так и пошло: *Веня Лябой*» и «Маленький вместо “ряба” говорил “ляба”» (Арх., Вил.);

Волк: «Дедушка живого волка шкуру продал, деньги взял, а волк не пойман» и «Волков продавал» (Арх., Вил.)¹⁶;

Солодья́га: «У него присказка была: “Эй ты, солодыга!¹⁷”» и «Отец сказал: “Эх ты, солодыга!” — я машину в воду загнал» (Влг., У-Куб.)¹⁸.

Наконец, поясняющим контекстом может быть снабжена только одна из фиксаций прозвища. Об одном из случаев хочется сказать отдельно. В двух деревнях Поздышевского сельсовета Каргопольского района Архангельской области в 1968 г. записано прозвище *Холо́дная Карто́шка*: в д. Турово — как прозвище жителя деревни по фамилии Попов («Дед ел картошку и уронил картошину в поленицу. Не поленился разобрать поленицу и достать её. Так и стали звать — *Холодная Картошка*»), в д. Ольсиево — как прозвище жительницы деревни по фамилии Нечаева. Особо подчеркнем, что зафиксированы прозвища разными собирателями от разных информантов. Можно предположить, что в данном случае перед нами пример наследования прозвища, однако точную причину совпадения установить трудно.

Таким образом, стоящая за прозвищем история характеризуется, как правило, высокой степенью сохранности в памяти социума и легко

¹⁵Ср. костр. *елóха* ‘ольха’ [ЛКТЭ].

¹⁶Как видно из контекста, прозвище *Волк* принадлежало деду или передается «по наследству», а следовательно, ситуация значительно удалена по времени от момента фиксации прозвища.

¹⁷Ср. влг. *солоды́га* ‘гриб’ [ЛКТЭ].

¹⁸Возможно, *Солодыгами*, как нередко случается, были и отец, и сын.

воспроизводится с некоторыми вариациями деталей. Примечательно рассуждение о логике наделения человека прозвищем: **Скочива**: «[– Прозвища как дают?] – Кто как что скажет, так и зовут. Бабка говорила плохо: “Я скочива (скочила)” — и до смерти *Скочива* была» (Арх., Нянд.). Внимательные к языку информанты улавливают «отситуативный» механизм прозвищной номинации и часто рассказывают структурно аналогичные истории про разные прозвища: **Кефир**: «Молоко в молоковозе скисло. “Не молоко, а кефир!” Так и стал *Коля Кефир*. А хороший парень» и **Пельмёнь**: «Ездили недавно на Лузу, лет с десяти. Комбикорм грузили. “Что грузите?” — “Пельмени”. Так стал *Андрей Пельмень*» (контексты записаны от одного информанта в д. Чучеры Великоустюгского района Вологодской области).

Наличие в антропонимической системе ситуативно обусловленных прозвищ, дополненных историей их возникновения, может, на наш взгляд, провоцировать информантов на создание «ситуативных» контекстов в тех случаях, когда с высокой вероятностью в основе прозвища лежит другой признак. Рассмотрим примеры прозвищ, для которых связь с конкретной ситуацией представляется спорной: **Сатана**: «На крестинах ребенка попу дали рыбник — пирог. Дома поп обнаружил, что в пироге вместо рыбы — редька. В сердцах обозвал мужика сатаной. Так и повелось. Детей его прозвали *Сатанки*» (Арх., Уст.); **Ловкач**: «К ему цыганка пришла да попросила курицу. Он говорит: “Доставай”. Под печку она полезла, а он к ей под юбку. Она: “Ну и ловкач”, — говорит» (Арх., Уст.) (сомнения объясняются тем, что для ситуативно обусловленной номинации принципиально важны свидетели ситуации, ср.: «Он сказал *при народе*: “Я сам сельдудт”, — вместо “солдат”»¹⁹).

Некоторые объяснения прозвищ выглядят как «антропонимические легенды»:

Мария Зауголок: «Её мать прокляла: чтоб тебя леший унёс! Её леший и унёс. А потом обратно принёс и на уголок дома посадил. Вот и зовут *Мария Зауголок*. Это правда всё» (Влг., В-Уст.);

Чухарь ‘прозвище человека, давшее впоследствии название д. Чухари’: «Деда прозвали *Чухарём*, потому что он родился в лесу, под сосной. Чухарь — глухарь» (Арх., Леш.) (более вероятно, что деревня получила название от этнонима *чухарь*, обозначающего один из коренных народов Европейского Севера, скорее всего чудь [см.: Попова 1999: 47]).

¹⁹Единственным объяснением достоверности ситуативной мотивировки в данных случаях является версия о том, что действующие лица (поп и цыганка) сами рассказали о произошедших с ними историях, однако она представляется маловероятной.

Отметим еще один косвенный признак, маркирующий ситуативно обусловленные прозвища. Прозвища, получающие «ситуативную» мотивировку, могут соответствовать продуктивным номинативным моделям и в некоторых случаях, как мы отмечали выше, тяготеют к этому (см., например, прозвища-самоназвания). Однако в соответствии с тенденцией закреплять во внутренней форме память о необычной ситуации, забавных фразах, оговорках и т. д. нередко такие прозвища значительно отличаются по формальным и семантическим (если иметь в виду семантику исходного апеллятива) признакам. Так, в качестве прозвищ в [АКТЭ] по одному разу зафиксированы уже названные выше *Помидорина*, *Сумка*, *Чулан* и др., два раза — *Холодная Картошка*. Среди многочисленных прозвищ, мотивированных этнической и гражданской принадлежностью, единственный раз встречается *Советский*: «Он в лесу вальщиком работал, занял первое место в конкурсе вальщиков. Ему титул дали “Советский вальщик”, а потом “вальщик” отбросили, стали его *Советским* звать» (Арх., Вил.)²⁰. Выделяется среди «традиционных» прозвищ оним *Суффикс*: «У него неправильно что-то с произношением, в школе какая-то история с суффиксом была, и поэтому пошло *Суффикс*. Там не разберёшь, что говорит» (Костр., Окт.).

В формальном отношении наиболее продуктивно образование однословных прозвищ от нарицательных существительных [БСРП: 11]. При этом ситуативно обусловленные прозвища могут представлять собой словосочетания (*Два́дцать Две Копéечки*; *Ча́шечка Молочка́ да Помидо́ринка*: «В штандер играли. А кто проиграет, тому прозвище придумывали. Ему вот — *Чашечка Молочка да Помидоринка*. Так и осталось» — Костр., Парф.), различные глагольные формы (*Ско́чыва*; *Николай Отемна́ло*: «В делянке у девки одной сидел, затемнало, он говорит: “Надо итти, отемнало уже”, — и прозвали *Николай Отемнало*» — Арх., Вил.), местоимения (*Кой-из-чегó*) и др. В составе высказывания такие прозвища сокращаются (ср. *Берёза у Ба́ни*: «Сано *Берёза* звали, у него дом у берёзы, а его спросили тоже: “Откуда ты?” — “Из Калинино”. — “А где у тебя дом?” — “А, берёза у бани”. Так его и прозвали, *Берёза у Бани*» — Влг., Ник.) или приобретают парадигму склонения (*Керé*: «Он писенку спел: “Было ходит курочка по улочке: кере-к-к”, — его *Кером* и прозвали» — Влг., Ник.), однако изолированно информанты воспроизводят первоначальный вариант прозвища.

Нельзя не отметить, что часть ситуативно обусловленных прозвищ осталась нам неизвестна ввиду незнания информантом. Так, некоторые единичные фиксации прозвищ остаются без пояснительных контекстов:

²⁰Подробнее этот пример мы разбираем в [Борисова 2024].

Сладкий: «Павла Андреича до смерти *Сладким* звали» (Арх., К-Б); **У Романа Два Кармана** (Влг., Чаг.); **Японский Клей** (Костр., Окт.) и др. Однако факт наличия ситуативно обусловленных прозвищ в системе и высокая степень сохранности историй о возникновении прозвищ в памяти деревенского социума подчеркивают языковую уникальность данного класса онимов. Создавая прозвищный антропоним, носители языка становятся свидетелями появления нового слова и выбора признака, закрепленного в его внутренней форме. Приведенные нами примеры, особенно примеры вторичной ситуативной мотивации, показывают, что членам языкового коллектива важно не только оригинальное прозвище как номинативная единица, но и особый «нарратив» о его происхождении.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	костр.	костромские говоры русского языка
		свердл.	русские говоры на территории Свердловской области
влг.	вологодские говоры русского языка		

В названиях административно-территориальных единиц

Алап.	Алапаевский район Свердловской области	В-Уст.	Великоустюгский район Вологодской области
Арх.	Архангельская область	Дар.	Даровской район Кировской области
Бабаев.	Бабаевский район Вологодской области	Кад.	Кадыйский район Костромской области
Бабуш.	Бабушкинский район Вологодской области	Карг.	Каргопольский район Архангельской области
Ваш.	Вашкинский район Вологодской области	К-Б	Красноборский район Архангельской области
В-Важ.	Верховажский район Вологодской области	Кир.	Кировская область
Вел.	Вельский район Архангельской области	Кирил.	Кирилловский район Вологодской области
Вил.	Вилегодский район Архангельской области	Кологр.	Кологривский район Костромской области
Вин.	Виноградовский район Архангельской области	Кон.	Коношский район Архангельской области
Влг.	Вологодская область	Костр.	Костромская область
Вож.	Вожегодский район Вологодской области	Костром.	Костромской район Костромской области
Вох.	Вохомский район Костромской области	Котл.	Котласский район Архангельской области
В-Т	Верхнетоемский район Архангельской области	Леш.	Лешуконский район Архангельской области

Мак.	Макарьевский район Костромской области	Солигал.	Солигаличский район Костромской области
Мант.	Мантуровский район Костромской области	Сукс. Тал.	Суксунский район Пермского края Талицкий район Свердловской области
Мез.	Мезенский район Архангельской области	Тот.	Тотемский район Вологодской области
Ник.	Никольский район Вологодской области	Туг.	Тугулымский район Свердловской области
Нюкс.	Нюксенский район Вологодской области	У-Куб.	Усть-Кубинский район Вологодской области
Нянд.	Няндомский район Архангельской области	Уст.	Устьянский район Архангельской области
Окт.	Октябрьский район Костромской области	Устюж.	Устюженский район Вологодской области
Он.	Онежский район Архангельской области	Халт.	Халтуринский район Кировский области
Пав.	Павинский район Костромской области	Хар.	Харовский район Вологодской области
Парф.	Парфеньевский район Костромской области	Холм.	Холмогорский район Архангельской области
Перм.	Пермский край	Чаг.	Чагодощенский район Вологодской области
Пин.	Пинежский район Архангельской области	Челяб.	Челябинская область
Прим.	Приморский район Архангельской области	Шар.	Шарьинский район Костромской области
Пыщ.	Пыщугский район Костромской области	Шексн.	Шекснинский район Вологодской области
Сатк.	Саткинский район Челябинской области	Шенк.	Шенкурский район Архангельской области
Свердл.	Свердловская область		
Сок.	Сокольский район Вологодской области		

Источники

- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- БСРП — *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Большой словарь русских прозвищ. М. : Олма Медиа Групп, 2007.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

Исследования

- Балов А.* Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде Ярославской губ. // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 277–283.
- Борисова Е. О.* Отэтнонимические прозвища в говорах Русского Севера // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 34–42. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-34-42](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-34-42)
- Визгалов П. И.* Соответствие прозвища объекту // Ономастика Поволжья : материалы II Поволжской конф. по ономастике / отв. ред. Т. А. Исаева, В. А. Никонов. Горький : [б. и.], 1971. С. 90–95.
- Гузнова А. В.* Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Арзамас, 2016.
- Денисова Т. Т.* Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2007.
- Кокарева И. П.* Ономастикон одного ярославского говора: села Исакова, деревень Мятсево и Пустынь Первомайского района : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 1998.
- Кушкова А. Н.* Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской обл.) // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 1–32.
- Попова Э. Ю.* Этнонимия Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1999.
- Поротников П. Т.* Женские прозвания на *-их(а)* в говорах Талицкого района Свердловской области // Вопросы топониматики. 1970. Вып. 4. С. 54–70.
- Поротников П. Т.* Отпрозвищные антропотопонимы южной части Талицкого района Свердловской области // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 88–99.
- Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М. : Просвещение, 1968. С. 97–198.
- Сьянова Е. И.* Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихопёрья : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2007.
- Флоровская В. А.* Прозвища в русских говорах Кубани // Этнография имен / отв. ред. В. А. Никонов. М. : Наука, 1971. С. 141–145.
- Чайко Т. Н.* О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) // Вопросы топониматики. 1971. Вып. 5. С. 150–153.
- Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М. : Учпедгиз, 1959.
- Ярков А.* Прозвища крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губ. // Живая старина. 1902. Вып. 1. С. 126–128.

References

- Balov, A. (1899). Materialy po narodnomu iazyku, sobrannye v Poshekhonskom uезде Yaroslavskoi gub. [Materials on Folk Language Collected in the Poshekhonsky District of Yaroslavl Province]. *Zhivaia starina*, 2, 277–283.
- Borisova, E. O. (2024). Otetnonimicheskie prozvisshcha v govorakh Russkogo Severa [Ethnonymic Nicknames in the Dialects of the Russian North]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2(83), 34–42. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-34-42](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-34-42)

- Chaiko, T. N. (1971). O printsipakh nominatsii v narodnykh prozvischakh (na materiale govorov Kirovskoi oblasti) [On the Principles of Naming in Folk Nicknames (Based on Dialects of the Kirov Region)]. *Voprosy toponomastiki*, 5, 150–153.
- Chichagov, V. K. (1959). *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii: Voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.* [From the History of Russian Names, Patronymics, and Surnames: Issues in Russian Historical Onomastics of the 15th–17th Centuries]. Moscow: Uchpedgiz.
- Denisova, T. T. (2007). *Prozvischa kak vid antroponimov i ikh funktsionirovanie v sovremennoi rechevoi kommunikatsii: na materiale prozvisch Shumiachskogo i Ershichskogo raionov Smolenskoj oblasti* [Nicknames as a Type of Anthroponyms and their Functioning in Modern Speech Communication: Based on Nicknames from Shumyachsky and Ershichsky Districts of the Smolensk Region] (Doctoral dissertation). Smolensk State University, Smolensk.
- Florovskaya, V. A. (1971). Prozvischa v russkih govorah Kubani [Nicknames in the Russian Dialects of the Kuban]. In V. A. Nikonov (Ed.), *Etnografiia imen* [Ethnography of Names] (pp. 141–145). Moscow: Nauka.
- Guznova, A. V. (2016). *Prozvischnaia nominatsiia v arzamasskikh govorakh (chasti nizhegorodskikh)* [Nicknaming in the Dialects of Arzamas (Part of Nizhny Novgorod)] (Doctoral dissertation). N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas.
- Kokareva, I. P. (1998). *Onomastikon odnogo iaroslavskogo govora: sela Isakova, dereven' Miatsevo i Pustyn' Pervomaiskogo raiona* [Onomasticon of one Yaroslavl Dialect: The Villages of Isakovo, Miatsevo, and Pustyn in the Pervomaisky District] (Doctoral dissertation). V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
- Kushkova, A. N. (2009). Derevenskie prozvischa: k voprosu o kharaktere, bytovanii i sotsial'nykh funktsiiakh (po polevym materialam Belozerskogo r-na Vologodskoi obl.) [Village Nicknames: Their Nature, Usage, and Social Functions (Based on Field Materials from Belozersk District of the Vologda Region)]. *Antropologicheskii forum*, 11, 1–32.
- Popova, E. Yu. (1999). *Etonimiia Russkogo Severa* [Ethnonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Porotnikov, P. T. (1970). Zhenskie prozvanii na *-ikh(a)* v govorakh Talitskogo raiona Sverdlovskoi oblasti [Female Nicknames Ending in *-ikh(a)* in the Dialects of the Talitsky District of Sverdlovsk Region]. *Voprosy toponomastiki*, 4, 54–70.
- Porotnikov, P. T. (1975). Otprozvischnye antropotonimy iuzhnoi chasti Talitskogo raiona Sverdlovskoi oblasti [Nickname-Derived Anthroponyms in the Southern Part of the Talitsky District of Sverdlovsk Region]. *Voprosy onomastiki*, 10, 88–99.
- Selishchev, A. M. (1968). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Prosveshchenie.
- Syanova, E. I. (2007). *Onomasticheskii kod v mental'nom prostranstve dialektonositelei: na materiale govorov Voronezhskogo Prikhoper'ia* [The Onomastic Code in the Mental Space of Dialect Speakers: Based on the Dialects of Voronezh Prikhoperie] (Doctoral dissertation). Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg.
- Vizgalov, P. I. (1971). Sootvetstvie prozvischa ob'ektu [The Correspondence of a Nickname to its Object]. In T. A. Isaeva, & V. A. Nikonov (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy II Povolzhskoi konferentsii po onomastike* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the Second Volga Conference on Onomastics] (pp. 90–95). Gorky: [s. n.].
- Yarkov, A. (1902). Prozvischa krest'ian iuzhnoi chasti Cherepovetskogo uезда Novgorodskoi gub. [Nicknames of Peasants in the Southern Part of Cherepovets District, Novgorod Province]. *Zhivaia starina*, 1, 126–128.